

ЛЕВ БЕРДНИКОВ

Евреи в царской России: сыны или пасынки?

Лев Бердников

**Евреи в царской России.
Сыны или пасынки?**

«Алетейя»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бердников Л. И.

Евреи в царской России. Сыны или пасынки? / Л. И. Бердников —
«Алетейя», 2016

ISBN 978-5-9906936-4-7

В новой книге известного писателя Льва Бердникова представлена панорама жизни российского еврейства XV – начала XX вв. Судьбы евреев, чьи литературные портреты предлагаются читателю, представлены на широком фоне общественно-политической и культурной жизни сменяющихся эпох правления русских венценосцев. Воспринимались ли иудеи в России полноправными гражданами или же чужаками-инородцами; кем при этом ощущали себя сами евреи, и в том числе те из них, кто оставил веру отцов и осенил себя крестным знамением? Автор убежден, что на эти вопросы не существует однозначного ответа – и тем более убедительны его выводы.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9906936-4-7

© Бердников Л. И., 2016

© Алетейя, 2016

Содержание

Евреи в России: чужая родня. Предисловие	6
Jews in Russia: Alien Kin. Foreword	9
I. Евреи под монаршей порфирой	12
Гонитель поневоле Иван III	12
Тишайший прозелит Алексей Михайлович	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лев Бердников

Евреи в царской России.

Сыны или пасынки?

© Л. И. Бердников, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

* * *

*Евреи будут еще жить в России, будут служить России, как
родные сыны родному Отечеству.*

Саул Грузенберг («Восход», 1891, Т.11, Вып. 9)

*Кто вы, пасынки России, Неродные имена, Что и жизнь свою и
силы Отдавали ей сполна?*

Александр Городницкий

Евреи в России: чужая родня. Предисловие

Название книги Льва Бердникова удивительно точное. На протяжении почти всей своей истории евреям доводилось есть горький хлеб изгнания и выживать на чужих землях. Но не просто выживать, жертвуя всем ради хлеба насущного и крова над головой. У них была Тора, которой они продолжали следовать и всегда решали мучительную задачу – как не потерять свое еврейское лицо, а именно преданность своей вере и своей древней общине, но и одновременно быть законопослушными гражданами. Второе особенно важно – ведь евреи, составлявшие религиозное меньшинство, пользовались недоверием титульных наций во всех государствах – особенно европейских. Да иное отношение было бы странным: ведь добрым христианам с малых лет внушали с церковных кафедр, что евреи распяли Бога. И основные еврейские профессии – ростовщики, купцы, кабатчики (на другие профессии им часто не оставляли выбора) – не способствовали любви нееврейских соседей. Этими людьми, молившимися на странном языке, одетыми в странную одежду, путали детей, и они редко выходили за пределы своих кварталов-гетто. Но были и периоды, когда их образованность и ум ценили короли и вельможи, и евреи делали блестящую карьеру при Дворе.

Как сохранить себя евреем и быть законопослушным жителем в стране изгнания? Этот вопрос евреям приходилось решать веками, вырабатывать особую этику взаимоотношений с властью предрержащими и преобладающим враждебным населением. И очень рано, уже в Талмуде сформировался принцип жизни в диаспоре, принцип законопослушания – «дина де-мальхута – дина» («Закон государства – закон») (Недарим 28а, Гиттин юб). Евреи ему всегда следовали и служили на совесть своей новой родине, хотя часто и без взаимности.

Все сказанное в полной мере касается и жизни российских евреев. Они издревле жили на славянских землях – со времен Киевской Руси. Мы немало знаем имен евреев, так или иначе связанных с Московской Русью, а потом и русским государством XV–XVII вв. Но настоящая, «большая» история евреев в России начинается со славных времен Петра Великого и особенно Екатерины II. После раздела Польши в Россию вместе с бывшими землями Речи Посполитой в Российскую империю влилась самая большая еврейская община в мире. С тех пор судьбы евреев и русских на территории России стали неотделимы и переплелись самым тесным образом.

Многое пришлось претерпеть евреям в России: тяжелую жизнь в гетто, унижения и гонения, а порой и кровавые наветы, ужасные погромы. Но одновременно еврейство дало России много выдающихся граждан, настоящих сынов русской земли еврейского происхождения – генералов, поэтов, ученых, бизнесменов. За прошедшие века родилась особая еврейско-русская культура интеллигенции, особый «еврейско-русский» воздух. Но и выдающаяся роль многих евреев в русской жизни часто не мешала им оставаться здесь пасынками – людьми второго сорта, всегда рискующими оказаться в униженном положении.

Обо всем этом Лев Бердников пишет в новой книге, пытаясь на историях судеб своих героев решить этот вечный вопрос: евреи в России – сыны или пасынки? Акцент на трагическом раздвоении российского еврейства задается уже двумя эпитафиями – Саула Грузенберга и Александра Городницкого, каждому из которых судьба евреев видится под своим углом зрения. И начиная с евреев Московского царства, автор тщательно проводит нас по историческим путям России, где евреи оставили немало значимых отметок, неизменно оказываясь словно в подвешенном состоянии – между сыном и пасынком.

Так, к заболевшему сыну Ивана III, Ивану Молодому приставили лекаря-еврея из Венеции, Леона Мистро. Леон честно и самоотверженно лечил наследника, но лечение оказалось безуспешным, и лекаря отрубили голову – он просто стал побочной жертвой заговора, в ходе которого наследника отравили, а Леона заставили лечить его от несуществующей болезни.

Такая же трагическая судьба постигла еще одного еврея-врача – Стефана фон Гадена, который был едва ли не лучшим врачом при царском дворе, но его обвинили в отравлении царя Федора Алексеевича и после зверских пыток убили.

Верный сын обретает судьбу ненавистного пасынка. Но конечно же, далеко не всех евреев ожидала столь печальная судьба. Генерал Михаил Грулёв стал одним из виднейших русских военачальников и мирно почил в 86-летнем возрасте. Но и ему, как еврею, пришлось немало претерпеть на пути к вершинам военной славы. Столь же непрост был путь художника Моисея Маймона, писателя Виктора Никитина, ученого-фольклориста Павла Шейна, знаменитого фотографа Константина Шапиро, о которых пишет автор.

Чтобы достичь успехов в любой сфере российской жизни и доказать, что ты можешь причислять себя к «России верным сынам», евреям часто приходилось совершать очень трудный шаг – креститься. Как точно сформулировал эту трудность историк Семен Дубнов, «для еврея единственным способом снискать благоволение правительства было склониться перед греческим крестом». В условиях черты оседлости, жестких ограничений еврейства в проживании в крупных городах, университетском образовании, профессиональной деятельности, справка о крещении фактически служила пропуском в настоящую, большую жизнь.

Смена веры – это всегда очень сложный и деликатный процесс. Особенно он был сложным для российских евреев, поскольку, в стремлении вырваться через крещение в большой цивилизованный мир, они почти неизменно оказывались между двух жерновов. Бывшие единоверцы обвиняли их в самом страшном для еврея грехе – предательстве своего народа, после чего еврей приравнивался к умершему, по нему справляли траур. Но и новые единоверцы часто очень подозрительно относились к неопитам, считая их крещение притворным, а то и усматривая в них сатанинское желание уничтожить православное христианство изнутри. Веками, чтобы доказать свою лояльность новым единоверцам, крещенные евреи порой старались быть «святей папы», всячески демонстрируя христианам свою ненависть к соплеменникам, за что и получили презрительную кличку «выкресты». Некоторые из них – Иоганн Пфедеркорн, Яков Брахман и другие, жившие в разное время – играли самую печальную роль в еврейской жизни, клеветая на своих евреев, заявляя об антихристианской сущности Талмуда и прочих еврейских писаний. А были и такие, как Павел Вейнберг, которые высмеивали своих соплеменников в злобных анекдотах-кариатурах, разжигая тем самым юдофобию в России.

Но даже если евреи искренне желали влиться в новую общность, им часто не верили. Так, историк испанского еврейства Бенцион Нетаньяху в своих работах утверждал, что испанские евреи крестились вовсе не по принуждению, а вполне охотно и сознательно, желая раствориться в культурной среде испанского христианства. И тем не менее, их, марранов, христиане все равно ненавидели и подозревали в самых разных грехах.

Порой крещение не спасало от ненависти антисемитов, а иногда и от смерти. & TO касалось и тех евреев, о которых автор пишет в своей книге, и многих других. С гимназических лет дружили будущий выдающийся экономист Михаил Герценштейн и будущий журналист Григорий Иоллос. Первый принял крещение, второй сохранил иудейскую веру. Оба были патриотами России, настоящими ее сынами и в 1906 г. стали членами Государственной думы первого созыва, записав в анкетах соответственно «иудей православного исповедания» и «русский иудейского вероисповедания». И оба были убиты черносотенцами, оказавшись ненавидимыми пасынками России.

Лев Бердников тщательно анализирует биографии российских евреев, получивших известность и внесших значительный вклад в жизнь дореволюционной России. Естественно, многие из них приняли православие. И хотя существует распространенный миф, особенно характерный для ортодоксальной иудейской среды, что смена веры всегда была циничным предприятием, с целью устроить свою жизнь – в духе высказывания, которое приписывают выдающемуся востоковеду Даниилу Хвольсону: «Лучше быть профессором в Петербурге, чем

меламедом в Эйшишке», немало евреев сознательно принимали православие, отождествляя его с близкой им русской культурой, а некоторые и искренне обращались в христианскую веру – вовсе не питая при этом ненависти к собственному народу.

Автор исследует нюансы внутренних борений, мучительных раздумий, зигзагов на жизненном пути известных евреев, принявших православие, но не забывавших о своем еврействе. И он создает поистине уникальный труд, в прямом латинском значении этого слова – «единственный в своем роде, неповторимый». Есть исследователи российской истории, уделяющие особое внимание православно-еврейским отношениям, но обычно они работают над очень конкретной, узко-научной проблематикой. Эти исследования очень важны, но только Лев Бердников ставит проблемы этих отношений, на примере их выдающихся носителей, в сферу общественного внимания, на оценку широкого читателя, сочетая тщательность биографических исследований с популярным и занимательным стилем изложения – что ему, безусловно, удастся.

Заметка в газете «Вече» на смерть Григория Иоллоса заканчивалась словами «Еще одним жидом стало меньше». *«то»* предельно трагическая модель жизни российского еврея. Но даже если насильственная смерть вовсе необязательно являлась еврейским уделом, любой еврей в России чувствовал себя пасынком – в той или иной степени. Автор пишет и об этом, но главный акцент его историй все же на другом – на сыновстве, на том огромном, замечательном вкладе, который часто истово, «положа живот свой», вносили евреи в жизнь России, в самых разных сферах. И знание об этом укрепляет взаимопонимание русских и евреев, прославляет тот самый «русско-еврейский» культурный воздух, аналога которому в мире не было. И в этом, помимо образовательной, большая гуманистическая сила книги Льва Бердникова.

Россия – многонациональная страна. Национальные общины испокон веков трудились на благо России. Можно перечислять десятки и сотни армян, грузин, осетин, украинцев, многих и многих, которых можно назвать истинными сынами России. Все они достойны быть запечатленными в истории, в слове, чтобы широкий читатель знал о славных страницах жизни национальных общин в России. К сожалению, таких работ, – увлекательно написанных для широкого читателя – очень немного. И книга Льва Бердникова является наглядным примером того, как надо хранить память о нашем прошлом.

Юрий Табак

Jews in Russia: Alien Kin. Foreword

The title of Lev Berdnikov's book is surprisingly accurate. Throughout most of their history the Jews have had to eat the bitter bread of exile and survive in foreign lands. But they did not merely survive, sacrificing everything for the sake of sustenance and shelter. They had the Torah, which they continued to follow, and they always tried to solve the excruciating task how not to lose their Jewish identity, devotion to their faith and their ancient community, and at the same time to live as law-abiding citizens. The latter was particularly important because the Jews constituted a religious minority and were generally distrusted by the populace of all of their host countries, especially in Europe. This was to be expected; after all, from an early age good Christians were taught from the church pulpit that the Jews had crucified God. And the main Jewish professions – money-lending, trade, innkeeping (there were often no other choices) – did not contribute to their non-Jewish neighbors' good will. These people who prayed in a strange language and dressed in strange clothes frightened their children, and did not often venture out of their neighborhoods or ghettos. But there were times when Jews' education and intelligence were prized by kings and nobles, and there were those who made brilliant careers at court.

How to preserve one's Judaism and still remain a Jew and law-abiding citizen in one's country of residence? The Jews had to deal with this question for centuries, to develop a special way of dealing with the powers that be and with the predominantly hostile population. Very early, even in the Talmud, the principle for life in the Diaspora was «dina de Malchut – Din» or following the law («the law of state is the law», Nedarim 28a Gittin 10b). Jews consistently obeyed this obligation and served their new homelands conscientiously, if often without reciprocity.

All of this fully applies to the life of Jews in Russia. They lived in Slavic lands from ancient times – from the era of Kievan Rus. We know the names of many Jews who were in one way or another connected with Muscovite Rus' and then with the Russian state during the fifteenth through seventeenth century. But the central act in the historical drama of the Jews in Russia starts with the glorious times of Peter the Great and especially Catherine II. After Russia's partitions of Poland, these lands, together with the former territories of the Polish-Lithuanian Commonwealth, combined to create in the Russian Empire the largest Jewish community in the world. Since that time, the fate of the Jews and Russians on Russian territory became inseparable, interwoven in most intimate ways.

Jews in Russia had much to endure – including hard life in the ghetto, humiliation and persecution, and at times blood libels and horrifying pogroms. But at the same time the Jews provided Russia with many outstanding citizens and true sons of the fatherland – generals, poets, scientists and businessmen. Over the centuries a special Jewish-Russian intelligentsia culture was born, with its own unique «Jewish-Russian» cultural atmosphere. But the prominent role of many Jews in Russia did not prevent them from often being treated as second-class citizens, always at risk of being humiliated.

These are the issues Lev Berdnikov describes in his new book, trying to solve the eternal question: have Jews in Russia been its children or its stepchildren? The tragic dualism of Russian Jewry is suggested by the book's two epigraphs, by Saul Gruzenberg and Alexander Gorodnitskii, each of whom sees the fate of the Jews from his own point of view. Starting with the Jews of Muscovy, the author leads us down Russia's historical path, along which Jews left many significant marks but invariably found themselves in a kind of limbo, suspended between the roles of children and stepchildren.

Thus the Jewish doctor of Venice, Leon Mistro, was brought in to minister to Ivan III's ailing young son. Mistro treated the heir honestly and unselfishly, but the treatment was unsuccessful, and the unlucky healer was beheaded. He had been caught in the middle of a conspiracy: the heir had been poisoned and Leon tricked into trying to cure a non-existent disease. A similarly tragic fate

befell another Jewish doctor – Stefan von Gaden, who was probably the best doctor at the tsar's court. He was accused of poisoning Tsar Fedor Alekseevich and killed after brutal torture.

Faithful sons thus shared the fate of hated stepchildren. But of course not all Jews experienced such unhappy endings. General Mikhail Grulev, for example, became one of Russia's most prominent military leaders and died peacefully at the age of 86. But he, as a Jew, had to endure a lot on the way to the heights of military glory. Equally difficult were the lives of the artist Moses Maimon, the writer Victor Nikitin, the folklorist Paul Shane, the famous photographer Konstantin Shapiro, all of which are described in this book.

To achieve success in any sphere of Russian life and prove that they could identify themselves as «true sons of Russia», Jews often had to make a very difficult step – to accept baptism. As the historian Simon Dubnov formulated this difficulty: «for Jews the only way to win the favor of the government was to bow before a Greek cross». Because of the laws limiting Jews to the Pale of Settlement and severe restrictions against living in large cities, getting a university education, taking part in professional activities, and so on, a baptismal certificate served as a ticket to the larger world and a better life.

Changing faith is always a very difficult and delicate process. It was especially difficult for Russian Jews because after conversion they almost invariably found themselves between a rock and a hard place. Their former coreligionists accused them of the greatest possible sin for a Jew, betraying their people; converts were considered dead and ritually mourned. Christians, on the other hand, looked on them with suspicion, considering their conversion fictitious and possibly even as a satanic way of destroying Eastern Orthodoxy from within. To prove their loyalty baptized Jews sometimes endeavored to be «holier than the pope», trying to demonstrate their hatred for their former compatriots; such were branded with the contemptuous label «vykresty» (cf. «conversos» or «Marranos» in Spain). Some of these, like Johann Pfeferkorn and Jacob Brahman, and others who lived in different periods, played very sad role in Jewish life, e.g., slandering their fellow Jews and claiming the anti-Christian nature of the Talmud and other Jewish writings. And there were those like Paul Veinberg who mocked his fellow tribesmen in vicious caricatures, fueling Judeophobia in Russia.

But even if Jews sincerely wished to join the new community, they were often mistrusted. The historian of Spanish Jewry Benzion Netanyahu has claimed that the Spanish Jews were not baptized under compulsion, but willingly and consciously, wanting to assimilate into Spanish Christian culture. Nevertheless, Christians still hated the «Marranos» and suspected them of a variety of sins.

And baptism did not save them from the hatred of anti-Semites, or sometimes even from death. This applies to some of the Jews described in this book as well as to many others. Since their school years the prominent economist Mikhail Gertsenshtein and the journalist Grigory Yollos had been friends. The former was baptized while the latter preserved his Jewish faith. Both were Russian patriots, its true sons, and both became members of the first state Duma in 1906; in questionnaires they described themselves, respectively, as «Jew of the Orthodox Confession» and of the «Russian Jewish faith», And both were murdered by killed by the Black Hundreds as Russia's despised stepchildren.

Lev Berdnikov carefully analyzes the biographies of Russian Jews who became famous and made significant contributions to the life of prerevolutionary Russia. Naturally, many of them adopted Christianity. But there is a common myth, particularly characteristic of the Orthodox Jewish community, that Russian Jews' change of faith was always a cynical move in order to improve their situation, as echoed in the statement attributed to the outstanding Orientalist Daniel Khvol'son: «Better to be a professor in St. Petersburg than a *melamed* in Eyshishke». To the contrary, many Jews consciously accepted Eastern Orthodoxy, identifying it with Russian culture, and there were those who genuinely converted to Christianity without harboring any bad feelings toward their people.

The author explores the internal struggles, painful reflections, and complex life paths of Jews who converted to Orthodoxy but did not forget about their Jewishness. And he has created a truly

unique work. There are scholars of Russian history who pay special attention to Orthodox-Jewish relations, but usually they are focused on very specific, narrowly scholarly issues. These studies are important, but only Lev Berdnikov raises broader questions of the nature of those relations, based on the lives of those who experienced them, and, furthermore, he presents his arguments for the consideration of a broad, socially-conscious public. To do this he aims to combine, as far as possible, the thoroughness of biographical research with a popular and entertaining style – something in which he certainly succeeds.

A notice in the newspaper «Veche» on the death of Gregory Yollos ended with the words «One less zhid». This represents one extreme and tragic model of the life of Russian Jews. But even if a violent death is not necessarily universal Jewish destiny, any Jew in Russia felt her or himself a stepchild to one degree or another. Berdnikov writes about this a lot, but the main focus of his biographies is on something else – on Jews as «children of Russia», on their tremendous, remarkable contributions – often putting their lives on the line – that Jews made to the life of Russia in various fields. Knowledge of this history reinforces mutual understanding between Russians and Jews, strengthening and celebrating the «Russian-Jewish» cultural atmosphere, which hardly has an analogue elsewhere in the world. And this, in addition to its educational function, represents the great humanistic power of Berdnikov's book.

Russia is a multiethnic, multinational country. Since ancient times many national communities have worked to the benefit of Russia. One may list many hundreds of Armenians, Georgians, Ossetians, Ukrainians, and many, many, others, who can be called true sons of Russia. All of them deserve to be recorded in history, so that the general reader may become aware of the glorious pages from the life of national communities in Russia. Unfortunately, such books are very rare. Lev Berdnikov's informative and engaging book is a shining example of how to preserve this memory of our past.

Yuri Tabak (translated by M. Levitt)

I. Евреи под монаршей порфирой

Гонитель поневоле Иван III

Собиратель Руси, державный великий князь Иван Васильевич привечал в своем Отечестве и иудеев. Им было дозволено «торговлю чинить» и беспрепятственно колесить по городам и весям Московии. Повсюду можно было заприметить еврейские повозки, обтянутые парусиной. «Высокие, худощавые лошади нерусской породы, – живописал в историческом романе «Басурман» Иван Лажечников, – казавшиеся еще выше от огромных хомутинов, испещренных медными полумесяцами, звездами и яблоками, давали знать о мере своего хода чудным строем побрякушек такого же металла. На передках сидели большею частью жидаи... В тогдашнее время не было выгодной должности, которую не брали бы на себя потомки Иудины. Они мастерски управляли бичом и кадуцеем, головой и языком... Во Пскове, в Новгороде и Москве шныряли еврей-суконники, извозчики, толмачи, сектаторы и послы... В авангарде, из под общипанного малахая и засаленного тулупа торчала, как флюгер, остроконечная борода и развевались пейсики, опушенные морозом».

Иван III

И все же великое княжение Ивана III стало злополучным для евреев на Руси. Ведь именно при нем восторжествовали воинствующая нетерпимость и решительное неприятие иудаизма и евреев. Словами «жид», «жидовин» стали называть «совратителей душевных», испытывая перед ними суеверный страх. Это в годину Ивана Великого запыхают «костры очищения» – аутодафе, в которых сожгут заживо в прах десятки так называемых «жидовствующих» – отступников от Христовой веры. Но произойдет это уже на самом излете его правления, а поначалу великий князь оказывал еретикам молчаливое покровительство и долго (десятилетиями) все противился, медлил и никак не решался предать их казни...

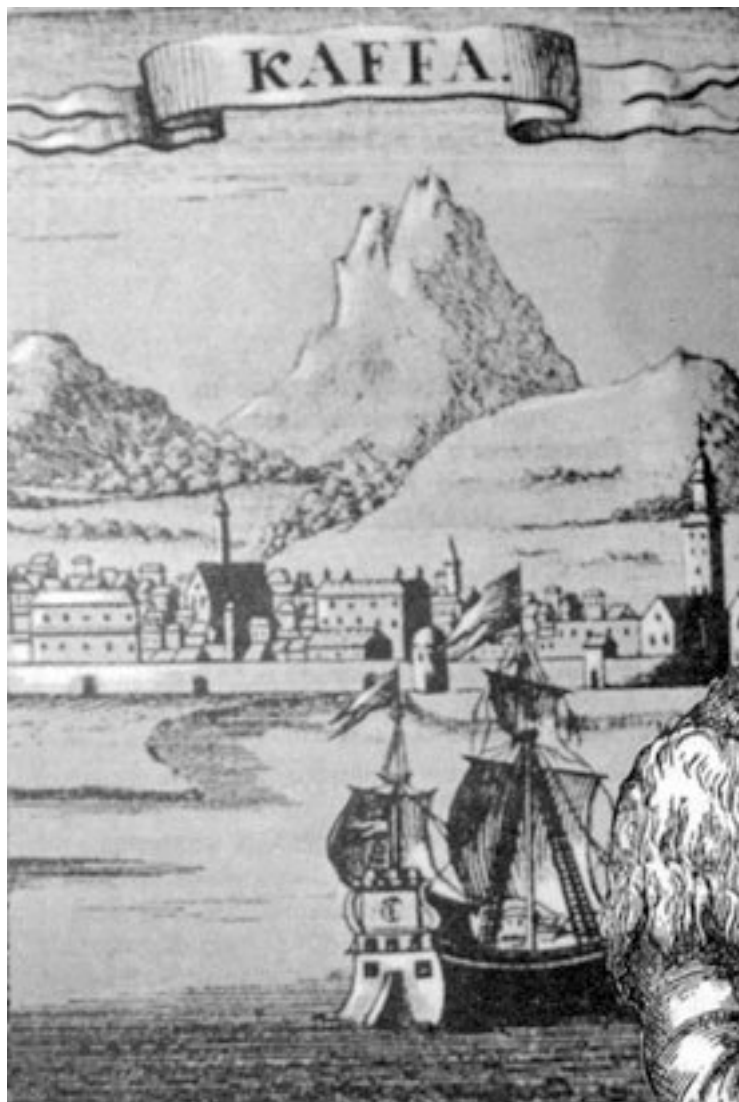
Впрочем, медлительность, постепенность ощущалась и в других действиях Ивана Васильевича. Его вообще отличала природная осторожность, свойственная умам зрелым. Он, по словам Николая Карамзина, «не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости». Осмотрительность, пронизательность, дальновидность в сочетании с широким кругозором соединялись в нем со стратегической масштабностью мышления. Историки называют его выдающимся стратегом, дипломатом, законодателем, и при этом – суровым прагматиком, чьи действия руководило не романтическое вдохно-

вение, а трезвый расчет, не сердечные влечения, а работа ума. Считая себя преемником греческих императоров (он увековечил это преемство принятием византийского герба – двуглавого орла), он чтит православные обряды, знал таинственную магию ритуала.

Почитание святынь и монастырей уживалось в нем с неукротимым стремлением проводить в жизнь свой идеал благочестия, вступая порой в острые конфликты с высшей церковной иерархией (чего стоят, например, его настойчивые попытки отобрать вотчины у монастырей!). Исследователи говорят о своеобразности религиозного сознания Ивана, отмечая, с одной стороны, его истую приверженность православию, с другой, – интерес к усвоению элементов вероучения иных конфессий. При великокняжеском Дворе длительное время господствовал дух религиозной толерантности. При этом Иван Васильевич не жаловал католиков, видя в них особую опасность для православия, зато «покровительствовал в России и магометан, и самых евреев». Историк Алексей Алексеев подчеркивает: «Ивану совершенно было чуждо предвзятое отношение к иудеям, которое господствовало в католических странах Европы».

Более того, великий князь не гнушался пользоваться услугами иудеев и вести с ними важные для державы дела. Едва ли здесь может быть усмотрено юдофильство, особая приязнь государя к народу Израиля. Иван радел исключительно об интересах России и заскорузлыми национальными фобиями не страдал. «Полезных евреев» он зазывал к себе в Белокаменную, на государеву службу и жаловал по-царски.

Не знаем, ведал ли о том Иван Васильевич, но институт придворных евреев существовал в большинстве стран Европы и Азии. Он имел давнюю традицию и вел свое начало еще с книги Бытия, где рассказывалось об Иосифе – высоком сановнике при египетском фараоне. Впоследствии жизнеописания придворных евреев, сохранивших религию отцов и помогавших своим соплеменникам, вошли в книги Даниила и Эсфири, а также в апокрифическую книгу Товита. В Средние века правители некоторых мусульманских стран приглашали на службу еврейских врачей и финансистов, многие из которых играли выдающуюся роль в жизни этих стран: Хисдай Ибн Шафрут, Я'аков Ибн Джау, Шломо Ибн Я'иш и др. Пользовались финансовыми услугами евреев и средневековые правители. Так, в христианской Испании наибольшего влияния достигли врач и дипломат кастильского короля Иосеф Ха-Наси Фарузиель (XII век) и его племянник Шломо-Ибн Фарузиель, а позже член королевского совета Кастилии Иосеф де Эсиха (XIV век). В Арагонском королевстве выдвинулись ряд представителей еврейского семейства де ла Кабальерия (2-я половина XIII века), Альконстантини, Абравалья. В Португалии были широко известны астролог Ибн-Яхья, сборщик пошлин Гдалия бен Шломо, государственный казначей Ицхак Абраванель и др. Хотя придворных евреев на Руси XV века не находится, тем ценнее для нас «дружелюбная связь» между Иваном III и кафским (феодосийским) купцом-иудеем Хозей Кокосом. Кокос был одним из самых приметных торговцев Крыма. «Евреит сей мудр и в торговых делах и государственных. Вельми хитер. Сейчас он наиглавнейший из богатых купцов в Кафе», – говорили о нем. Этот «евреит» вел дела с государем еще с начала 1470-х гг. Сохранилось государево послание: «Да Кокосу ему также говорити от великого князя, чтобы купил великому князю лалы и яхонты, да зерна жемчужные великие, да прислали бы к великому князю; а цену им князь велики за то заплатит, да сверх того еще своим жалованием пожалует». Монарх остался весьма доволен евреем, который, по его словам, вел честную игру не только в торговле, но и в делах тайных. Может быть, именно поэтому Кокосу было поручено передать Менгли-Гирею челобитную грамоту и уговорить его на союз с Московским государством. Так иудей стал важнейшим дипломатическим посредником между московским князем и крымским ханом.

Вид г. Кафы (Феодосии)

При этом Кокос радел как о пользе Крымского ханства, так и о российских интересах. Он понимал, как важно для Ивана III заполучить надежного союзника на рубежах с Казанью, Ордой, Польшей и Литвой, как необходим ему союз с Крымом, а через него – и с турками: ведь ослабление распрей на сем пограничье решало важнейшую для Москвы задачу о вольнице Новгородской. Мечтал он о сильной власти на полуострове и о финансовых вливаниях в государственную казну, о союзе с султаном, о прекращении бесчисленных походов врагов на Крым и о контактах с дружественным Москве Казанском ханством.

В 1474 году Державный поручил прибывшему в Крым русскому послу Никите Беклешеву передать Кокосу поклон от великого князя и просьбу поспособствовать сближению сторон, обещая еврею в случае успеха «свое жалование». Из документов видно: переписка между ними долгое время велась на иврите, что, как видно, доставляло царю немалые трудности с переводом. Потому, наверное, иудею было приписано, чтобы впредь «он жидовским письмом грамоты бы не писал, а писал бы грамоты русским письмом или бессерменским». Иван поручает также своему послу: «Да молвите Кокосу жид овину от великого князя... как еси наперед того нам служил и добра нашего смотрел, и ты бы и ныне служил нам, а мы аждаст Бог хотим тебя жаловати!»...

Кокос посылает к Ивану Васильевичу своего зятя Исупа, который после мучительно долгого пути достиг, наконец, Первопрестольной и предстал пред светлые государевы очи. Госу-

дарь и бояре в горлатных шапках с удивлением взирали на басурманина в ермолке, с характерными пейсами.

В великокняжеских палатах могла происходить такая сцена. Поклонился Исуп царю и пожелал удачи.

– Почему руки не целует и в ноги не падает?! Аль не ведаешь, как вести себя с государем?! – взъярился было Иван Васильевич.

– Не казни, государь, не положено им, – вступился за еврея дьяк. – Вера у них такая. Один государь у них – Бог, а остальные все равны перед ним. На смерть идут ради своей веры, не прогневайся, государь!

– Коль за веру на смерть идут, это похвально. Вера – дело серьезное! – миролюбиво отозвался великий князь.

– Пишет Кокос, что хан только союза с Москвой хочет крепкого. Позовешь его на войну с Казанью или с польским «крулем» Казимиром – с тобой будет. Мыслит Менгли-Гирей, что от дружбы той обоим государям только польза будет!..

Хозя проявил себя как преданный друг русских в самое тяжелое для Московии лихолетье. Так, в 1479 г. хан Большой Орды Ахмат собрал недюжинное войско и всем раструбил о своем походе на Русь. Тогда Кокос, не мешкая, отправляется в Турцию, к султану Баязеду II, испрашивая у него мира, дружбы и взаимовыручки с северным соседом. Дорогую стоила привезенная им грамота султана, которую сей верноподданный еврей вручил русскому послу в Крыму.

Кокос всемерно содействовал русским купцам в Крыму, добивался для них привилегий от хана Менгли-Гирея. Нередко Хозя слал Ивану III знатные подарки: яхонты, жемчуга, сукно ипрское, бархаты и т. д.

Неоценима была роль Кокоса в освобождении русских пленных и, прежде всего, дьяка Федора Васильевича Курицына в 1487 году. Курицын рассказал царю о помощи Хози и просил Ивана щедро отблагодарить еврея. Но Хозя Кокос так и не смог приехать в Москву. Дружба и сотрудничество еврейского купца и царя, продолжавшиеся всю их жизнь, так и не увенчались встречей.

Последней акцией помощи Хози Ивану III было возвращение православных святынь, захваченных Менгли-Гиреем в Киево-Печерском монастыре. Кокос выкупил тогда все награбленные ханом православные ценности и отправил в Москву. При этом Хозя и не ждал благодарности: воспитанный Торой в уважении к святым местам и святыням своей религии, он просто совершил акт восстановления справедливости по отношению к другой религии.

В 1502 г. государь всея Руси Иван Васильевич торжествовал полную победу: крымский хан Менгли-Гирей уничтожил Большую Орду и стер с лица земли ее столицу Сарай. И в этом есть толика заслуги Кокоса.

Крымский хан Менгли-Гирей. Османская миниатюра XVI в.

Иван III вел длительную переписку и еще с одним жителем Кафы, которого считал евреем – с Гизольфи Заккарией (или Захарией). Тот писал великому князю в 1483 году о взятии турками своего родового замка на Таманском полуострове, просил принять его на государеву службу, на что получил обнадеживающий ответ: «Божью милостью, великий осподарь русския земли, Иван Васильевич... Захарие Евреянину... Писал нам еси... о том, чтобы у нас бытии. И ты бы к нам поехал. А будешь у нас, наше жалование к себе увидишь. А похочешь нам служити, и мы тебя жаловати хотим, не похочешь у нас бытии, а всхочешь от нас в свою землю поехать, и мы тебя отпустим добровольно, не издержав». В посольских книгах Заккария аттестовался также «Захарья Жидовин», причем великий князь трижды (!) приглашал его в Москву и даже отрядил проводников для его торжественной встречи у устья реки Миуса. На самом деле, Заккария к иудеям никакого отношения не имел (он был по отцу итальянец – «фрязин», по матери – «черкасин»). И хотя еврейство ему приписали облыжно, из-за прозвания «Ивериянин» (сходного по звучанию с «Евреянин»), важно то, что великий князь был рад «евреинам» покровительствовать.

Отметим, что когда занедужил наследник русского престола, сын и соправитель Ивана III Иван Молодой, к нему был приставлен «лекарь *Жидовин* Мистро Леон из Венеции». А ведь обращение за исцелением к иудею строго порицалось в средневековом христианстве! Да и православная традиция сему претила: «Слово Иоанна Златоуста о лечащихся волхованием от болезни» гласило: «Христиане, почто ся зовете, да повинимся кресту и не идем к врагам Божиим, к волхом и чародеем, то врази Божий суть, лучшее умерети, нежели ко врагам иди. Кое пособие тело целити, а дупло убити, так я обретатель zde мало прияти утешение, а тамо посланным быти с бесы в вечный огонь». И что еще более примечательно, этого еврейского эскулапа пригласила жена государя Софья Палеолог, ревнительница Христовой веры, которая, по словам историка, «из всех западных нововведений больше всех ценила одно – инквизицию». События показали, что действиями Палеолог руководил строгий, воистину инквизиторский расчет.

Софья Палеолог

Врачевателю было объявлено, что Иван Молодой болен «камчугою» (то есть подагрой, ревматизмом) в ногах. Вот что сказывал летописец: «И видел лекарь жидовин Мистр Леон, похваляясь, рек великому князю Ивану Васильевичу, отцу: я вылечу сына твоего, великого князя, от сей болезни, а не вылечу его яз, и ты вели меня смертию казнити; и князь великий Иван Васильевич иняв веру речем его, повеле ему лечити сына своего великого князя. И нача его лекарь лечити, зелие пити даде ему, наче жечи стекляницами [банками – Л.Б.] по телу, вливал воду горячую». Лечение оказалось, однако, безуспешным, и 7 марта 149° года наследник престола испустил дух. Современники-книжники не могли оставить без внимания библейскую параллель: «И сделался Аса болен ногами на 39 году царствования своего, и болезнь его поднялась до верхних частей тела; но в болезни своей взыскал не Господа, а врачей» (2 Пар. 16:12).

Судьба еврейского эскулапа оказалось взыскательно-суровой: после сорочин (сорока дней) со смерти Ивана Молодого Леона свезли на Болвановку, что на берегу Яузы, и при огромном стечении народа отрубили ему голову.

Во всем винили лекаря-жидовина. О нем говорили как о самонадеянном шарлатане, не вызывающем к себе ни малейшего сочувствия. В расправе же над ним «народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул государя и сам себя обрек на казнь». Или еще: «Этот мейстер лечил и залечил Иоанна младого и за то казнен всенародно. Об этом никто не жалел: поделом была вору мука!».

На самом же деле, молодой медик, сам того не ведая, стал пешкой в чужой игре и без вины виноватым в изощренном убийстве российского наследника. Тонкий знаток кремлевских тайн князь Андрей Курбский утверждал, что «предобрый Иоанн», «наимужественнейший и преславный в богатырских исправлениях», был отравлен «смертоносным ядом» именно своей

окаянной мачехой. Такую же версию умерщвления наследника престола повторили и авторитетные российские историки Владимир Савва и Георгий Вернадский.

Отмечая особую изощренность Софьи в хитроумных каверзах, исследователи прямо говорят о том, что это она, страстно желавшая передачи трона своему сыну Василию (будущему Василию III), была кровно заинтересована в устранении постылого пасынка. Ее называли «греческой колдуньей», «злой женой» и «чародейницей». Говорили также, что ломота и онемение ног (от чего страдал покойный Иван) были симптомом отравления змеиными ядами. Софья же родилась и выросла в краях, где прекрасно знали свойства змеиных ядов. Так что царевича по указке Софьи «опоили», подмешав яд в пищу.

Когда жидовин ручался Ивану III за жизнь и исцеление сына, никакого самохвальства в его словах не было. Не подозревая об отравлении, он лечил его именно от «камчуги» (подагры), от которой, как он знал, не умирают. О том, что потребно было сильное противоядие, медик и не помышлял. И виной тому – Софья. Она потому и настаивала на приезде медика из Венеции, чтобы тот не разобрался в ситуации: решила отравить Ивана чем-то местным, специфическим, тем, что в Италии не растет и не ползает.

Интересно, что в «Русских народных сказках», собранных Александром Афанасьевым, имеются сюжеты об Иване-царевиче, который так же, как Иван Молодой, смел в бою, женился на Елене Прекрасной (Иван был женат на Елене Волошанке), боролся с расхитителями царской казны и тоже умер в результате отравления. Фигурирует там и некая Сонька-Богатырка, коей приписывается знание ядов и противоядий, хранение в пузырьках живой и мертвой воды. Не намек ли это на Софью Палеолог?

Леон Поляков в своей книге «История антисемитизма» утверждает, что расправа над Леоном способствовала развитию юдофобии в России. Однако думается, никакой специфически антисемитской подоплеку здесь не было. Достаточно сказать, что за пять лет до истории с Леоном за неудачное лечение знатной особы был казнен другой доктор, к евреям никакого отношения не имевший. «Такую же участь, – сообщает историограф Николай Карамзин, – имел в 1485 году и другой врач, немец Антон, лекарствами уморив князя татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом». Примечательно, что именно Иван Васильевич настоял на том, чтобы зарезать сего лекаря, «яко овцу», хотя даже отец знатного татарина соглашался выпустить его «за откуп» (за выкуп). Видать, крут и жесток был государь к неудачливым докторам...

Преподобный Иосиф Волоцкий

А у истоков воинствующего антисемитизма на Руси стоит событие, смысл и значение которого откроются лишь спустя годы. В 1470 году в «господин Великий Новгород», тогда еще вольный город, прибыл луцкий князь Михаил Олелькович из Киева (он был двоюродным братом Ивана III), а с ним, как говорится в летописи, «жидове с торгом». Особым расположением сего князя пользовался «жид Схария». Как установлено, полное его имя Захария Бен Аарон га-Коген, и был он близким ко Двору киевских князей астрологом, тесно связанным с провансальскими и испанскими учеными евреями; к тому же весьма поднаторел в рационалистической философии. «Странствующий жид», он исколесил много стран, останавливался в Византии и Дамаске, побывал паломником в Иерусалиме, подолгу жил в Киеве и Крыму, и везде находился в самом средоточии умственных страстей века.

Захария Бен Аарон обладал поистине энциклопедическими познаниями (это вынуждены будут признать даже его злейшие враги). Есть свидетельства, что он глубоко постиг не только Ветхий и Новый Завет, но и творения отцов и учителей Христианской церкви. При этом занимался философией, естественными науками и особенно астрономией (мог, к примеру, безошибочно предсказывать солнечные и лунные затмения и т. д.). Владел испанским, итальянским, русским, татарским; писал на древнееврейском и латинском языках. «Сей Схария, – негодовал впоследствии его православный оппонент, преподобный Иосиф Волоцкий, – бьяша дьяволов сосуд и изучен всякому злодейства изобретению, чародейства же и чернокнижию, звездозаконию и астрологы». Кроме того, был превосходным полемистом и диалектиком, что в соединении с исключительной на русскую мерку образованностью давало ему в руки неотразимое оружие. Интересно, что сей проповедник выписал из Литвы двух помощников – евреев Иосефа Шмойлу Скарявого и Моисея Хануша.

Захарию Бен Аарона и принято считать ересиархом, причем советские историки стыдливо называли его родоначальником «Новгородско-московской ереси». Современники, однако, прямо указывали на ее религиозную, а заодно и национальную подоплеку, аттестуя сектантов «жидовствующими». Некоторые историки полагают, однако, что в строгом смысле слова это была не секта, а светское антиклерикальное течение, связанное своим происхождением и направленностью с ранним европейским гуманизмом.

И в этом есть все резоны, ибо гуманисты Возрождения XIV–XV веков к евреям и еврейской культуре проявляли стойкий и неподдельный интерес. Известно, что немецкий ученый Иоганн Рейхлин, как и многие другие гуманисты, изучал еврейский язык, защищал еврейскую письменность (Талмуд, Зогар, комментарий Раши, Ким Хиды, Гертониды и др.) от нападков обскурантов.

Подобное движение возникло и в среде евреев. Во второй половине XV века османский султан Магомет Победитель (1451-1481) распространил на евреев права всех подданных немусульман. Эдикт этот вызвал большой прилив в Константинополь евреев, образовавших здесь центр интеллектуального движения, близкого к гуманистическому. Евреи выпускали в Константинополе книги, открывали школы, занимались медициной и астрологией. Среди еврейских ученых XV века особенно выделился раввин Мордехай бен Элиезер Комтино (1460-1490).

Он изучал астрономию, математику, механику, естественные науки. Отличаясь значительным свободомыслием, Комтино не делал различия между талмудистами и караимами, преподавал светские науки, не вдаваясь в религиозные споры своего времени. Аналогичное гуманистическое движение существовало в XV веке и в среде литовских евреев, что порождало многочисленные случаи перехода здесь христиан в иудейство.

Если говорить об исторических аналогиях, то культурная ситуация, в которой возникла ересь, может быть уподоблена времени расцвета «ученой магии» в Западной Европе XIII–XV

веков, отмеченному обостренным интересом к сведениям по астрологии, алхимии и некро-мантии, почерпнутым из арабских и иудейских книг. Напрашивается также параллель между жидовствующими на Руси и еретиками при Дворе Роберта Благочестивого в 1022 году, связанными с иудейским учением, отрицавшими действительность святого крещения и т. д.

Что же втолковывал новгородской пастве этот Захария, «умом хитрый, языком острый»? Вот как передают его «кошунственные» слова сегодняшние толкователи-религиоведы: «Первое: главный догмат Православия о троичности Бога есть нелепость, поскольку никому и ничему невозможно быть одновременно единицей и троицей. Второе: поскольку Божество не может быть Троицей, то в Его составе не может быть Сына, следовательно Иисус, называвший себя «Сыном Божиим», на самом деле не был таковым, а был просто человеком. Третье: из той же невозможности Богу быть Троицей вытекает отсутствие в нем не только второго, но и третьего лица, то есть Святого Духа, который, таким образом, оказывается фикцией. А значит фикцией являются и церковные таинства, в которых Святой Дух якобы соединяет нас с горним миром, а этого мира вовсе не существует. Четвертое: раз горнего мира нет, значит, молитвы подвижников, обращенные к якобы обитающим в этом мире святым существам, тщетны, потому институт монашества вместе с монастырями должен быть упразднен как паразитарный, и освободившиеся людские ресурсы и денежные средства должны быть направлены на улучшение нашего земного обустройства...»

Богослов профессор Виктор Тростников поясняет: «Отрицание Троицы есть рационализм, отрицание божественности Христа – антропоцентризм, отрицание инобытия – материализм, призыв к роспуску монашества – прагматизм... Рационализм и прагматизм евреев, выработавшиеся в них за столетия внедрения в чужие культуры и коммерческую деятельность, хорошо всем известны. Так что этот мировоззренческий букет вполне справедливо можно назвать мировоззрением иудеев или тех, кто мыслит так же, как они, то есть жидовствующих».

Говорить об этих качествах как о некоей квинтэссенции иудаизма (да еще в эпоху расцвета еврейской мистики) – слишком явная нелепица, чтобы полемизировать на сей счет. Кроме того, профессор, равно как и другие ревностные борцы за чистоту веры, сами того не желая, льстят ересиарху, ибо столь стройной и законченной системы воззрений у него не было. Захария Бен Ааарон не доверил их бумаге, а гонители его, одержимые обличительным запалом, подчас противоречили сами себе даже в определении самой сущности «жидовства». Так они, к примеру, то утверждали, что жидовствующие отрицали загробное существование, то – что признавали его. То говорили о том, что те не поклонялись иконам, то – что поклонялись иконе Иисуса-Спасителя и т. д. Известно также, что Захария со товарищи активно занимались астрологией. По словам современников, они лишь «примесили *мало нечто жидовского*» в свое учение, не имея какой бы то ни было готовой религиозной концепции. Русский философ Георгий Федотов утверждал, что среди еретиков были «и истинно православные, заподозренные в некоем богословском свободомыслии». А академик Дмитрий Лихачев резюмировал: «Это было движение свободомыслящих, связанное своим происхождением с отголосками гуманистического течения на Западе, возможно, через литовских евреев. Отдельные представители этого движения, очевидно, по-разному углублялись в это свободомыслие и тем давали повод к противоречиям в характеристике».

Что же представляли собой рукописные сборники, приписываемые жидовствующим? Это и так называемый «Шестокрыл» – рукопись астрологического содержания, автором которой был еврей Иммануэльбар-Якоб, живший в XIV веке в Италии. Она явилась плодом того увлечения астрономией и астрологией, которое было характерно для Италии XIV–XV веков. Язык перевода – западнорусский, с немногими еврейскими терминами (например, в названиях знаков зодиака). Ярко гуманистический характер изложения сказывается в переводе (с еврейского же) «Тайной тайных» («*Secretum Secretorum*») или «Аристотелевых врат», получивших распространение в XV веке. Сочинение это, по преданию, было написано самим Аристотелем,

как поучительное, и предназначалось для Александра Македонского. «Аристотелевы врата» распространялись в России и были популярны у русских читателей вплоть до XVII века. Они отвечали возникшему в XIV веке стремлению гуманистов к точному знанию, к медицине, к изучению зависимости человеческого поведения от телесных свойств. К числу названных текстов принадлежит и перевод с еврейского книги «Логика» Моисея Маймонида. Переводчик, не всегда справлявшийся с трудностями перевода, вынужден был придумать много новых терминов, до того отсутствовавших в русском языке: одержанный – объект, одержитель – субъект и т. п. Читая сей перевод, удивляешься тому, какие титанические усилия должен был приложить читатель этой книги, чтобы расширить свой умственный кругозор. Среди рукописей есть и астрологическая книга «Лопаточник», а также переводы с иврита на древнерусский язык «Книги Даниила» и апокрифической «Книги Ханоха», равно как сборника еврейских праздничных молитв, именуемого «Псалтырю Федора Жидовина» (поскольку перевод осуществил в конце XV века крещеный еврей Федор) и др.

Утверждают, что Захария Бен Аарон «вкрадчиво, но настойчиво, стал знакомить представителей новгородской верхушки, к которой, конечно, принадлежали и духовные лица, с этим *неслыханным* здесь доселе учением». Опять неточность: факты свидетельствуют, что проповеди ересиарха легли в Новгороде на уже подготовленную почву, и был он не пахарем, а скорее сеятелем. Ведь еще в середине XIV века в Новгороде и Пскове возникла еретическая секта стригольников. По предположению исследователя Маргариты Елизаровой, слово «стригольник» отражает еврейское словосочетание, основанное на словах «делать тайным», «скрывать», «быть изгнанным». Таким образом, в переводе с еврейского языка «стригольник» означало «хранящий откровение» или «тайный изгнанник» – понятие, близкое к лексике тайных обществ гностиков и манихеев. Как полагает историк Гелиан Прохоров, «стригольничество» – след первого влияния караимства в Северной Руси.

Стригольники считали, что все русское священство «во зле лежит», потому что берет пошлины и подарки при посвящении в сан, и отказывались от общения с таким духовенством. Они объединялись в особые группы, во главе которых стояли особые наставники – «простецы». На русском Севере были в обычае религиозные споры; в Новгороде люди разных сословий сходились не только в домах, но и на площадях, обсуждали духовные проблемы, порой спорили до хрипоты, критикуя церковь, ее обряды и постановления. Стригольников преследовали: известно, что в 1375 году трех представителей секты сбросили с моста в реку Волхов; еретиков сих ловили в Пскове и Новгороде, сажали в темницы, а уцелевшие все не унимались, разнося повсюду свое «богоборное» учение.

Русские источники указывают, что Захария «прельстил в жидовство» двух влиятельных новгородских священников – Алексея и Дионисия, людей ищущих, критически мыслящих и открытых к знаниям и новой вере. При этом «обольститель» якобы «из коварства» запретил им совершать обрезание; еретики не отказывались при этом от священства, продолжая служить в храмах. «Иудейство» их держалось в глубокой тайне, равно как и новые их имена (священник Алексей получил имя Авраам, а жена его – имя Сарра). К новой вере обратились затем некий Иванька Максимов, Гридя Клоч, поп Григорий, Мишук Собака, дьяк Гридя, поп Федор, поп Василий, поп Яков, поп Иван, дьякон Макар, поп Наум и даже протопоп Софийского собора Гавриил и многие, многие другие. Через четыре месяца Михаил Олелькович¹, а с ним и Захария вместе с евреями уехали из города². Ересь стала чрезвычайно активно распространяться

¹ Отметим, что сам Михаил Олелькович к ереси никакого отношения не имел. Он погибнет в начале 1480-х гг. в Литовской Руси как участник православного антигеллоновского заговора.

² Последнее упоминание о Захарии Бен Аароне находим в послании инока Саввы (киевского митрополита Спиридона-Саввы) против «жидовствующих», адресованном Дмитрию Шеину, бывшему русским послом в Кафе с 1487-1489 гг. Савва предостерегает: «И ты, господине Дмитрий, коли был еси послом и говорил еси с тем жидовином с Захарией-Скарою. И я, господине, молюся тебе: что еси от него слышал словеса добры или худы, то, пожалуй, господине, отложи их от сердца

без них, уже людьми русскими, одержимыми, по словам Николая Карамзина, «духом суетного любопытства». Филолог и историк Вадим Кожин видит в этом проявление «русского экстремизма».

В 1479 году великий князь московский Иван III побывал в Новгороде после присоединения его к Московскому государству. До него дошли слухи о мудрости, красноречии и благочестивой жизни тайных еретиков Алексея и Дионисия, которые и при ближайшем знакомстве произвели на государя столь сильное впечатление, что он тут же предложил им переехать в Москву. В столице они были назначены протопопами главных храмов Русской церкви: первый – Успенского, второй – Архангельского соборов Кремля. По прибытии в Белокаменную, те сразу же спознались с главой Посольского приказа дьяком Федором Васильевичем Курицыным, полиглотом, человеком европейски образованным, который-то и стал «главным печальником московских еретиков». Похоже, однако, что к религиозному вольномыслию Курицын пришел независимо от новгородцев, а именно в бытность в Венгрии и Валахии, где находился с дипломатической миссией и общался с последователями великого чешского реформатора Яна Гуса. Проникшись идеями гуситов, он горой стоял за ликвидацию церковных земель, что весьма импонировало Ивану Васильевичу.

Вокруг Федора Курицына создался кружок, который враги считали главным оплотом еретиков. Среди его неперемных участников брат Курицына Иван Волк, дьяки Истома, Сверчок, писарь Иван Черный и многие, многие другие. Примечательно, что к ереси примкнула невестка великого князя Елена Волошанка, что удивления не вызывает. Воспитанная в православии своим отцом, валашским господарем Стефаном III, она в то же время была научена и религиозной терпимости (канцлером Двора был иудей Исаак бен-Вениамин Шор из Ясс). К тому же, на нее так же могли оказать влияние популярные в Валахии идеи гуситов. Важно и то, что Елена могла общаться в родных пенатах и с самим Федором Курицыным, который нередко наезжал в Валахию, а в 1483 году стал московским послом при Дворе Стефана III.

За великокняжеской невесткой последовала часть придворных, вознамерившаяся использовать новую веру во внутренней борьбе за власть. Даже сам Иван III временно «склонил слух» к ереси: впрочем, как это убедительно показал американский историк Александр Янов, царь проводил тогда политику конфискации монастырских земель, и критика «стяжателей» лила воду на эту его мельницу...

В течение семнадцати лет еретики, число коих, по некоторым подсчетам, умножилось до полутора тысяч (!), якобы ухитрялись держать свое учение в тайне, пока об их «кознях» не проболтался спьяну «жидовствующий» поп Наум. Тогда-то, в 1487 году и забил тревогу истый ревнитель православия Новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов). Он направил государю извет, писанный совместно с помощником Дмитрием Герасимовым и католическим монахом обители св. Доминика Вениамином, в котором изобличил все «тягчайшие» вины «кошунников». При этом был противником всяких диспутов с еретиками, но призывал созвать церковный собор, чтобы «их казнити – жечи да вешати». Ему не давали покоя лавры ревнителя веры Христовой, испанского короля с его инквизиторскими аутодафе, о необходимости коих он и сигнализировал в Первопрестольную. Призывал последовать примеру «Шпанской земли», где еретиков «казнили многими казнми и многими ранами, да и сожгли... Да мучили их многими разными муками, да и пережгли всех... а животы (собственность) их и имения на короля пой-

---

своего и от уст твоих, якоже некое скаредие; несть с ними Бога, уже не действует Бог ими, ни на молитву их не внемлет: изриновени быша и не могут стати, якоже Давид глаголет... Тако и жидовское сокрушенье, встати им не мощно сокрушенным, и погребленным, и разметанным яко прах от лица ветра». И говорит далее: «Аще человек будет добр и украшен всеми добродетелями, и примесит к ним мало нечто жидовского семени, ино то все его житие не потребно перед Господом и человеки, и Бог не терпит ему и обличит его».

мали... А слава... и хвала того шпанского короля пошла по всем землям по латинской вере, что на лихих крепко стоит»³.

Новгородский владыка при всей своей пылкости и прямолинейности был удручающе непрозорлив. Надо же было понимать, что великий князь был непримиримым борцом с латинством. А Геннадий в своем обличении еретиков прибегал к помощи прелата и с воодушевлением возносил хвалу «шпанскому» королю. С точки зрения Москвы, восторги, расточаемые еретикам-католикам, были столь же неуместны, как и их жертвам. Из-за этой его связи с папистами энергичная деятельность Геннадия не могла иметь желанного успеха. Мало того, совершенно неожиданно для сего неистового обличителя некоторые из еретиков открыто выступили против него. Так, новгородский чернец Захар, пользовавшийся большим влиянием в псковском Немчинове монастыре, повел решительное наступление на владыку, рассылая по городам грамоты с «лайбою» (бранью), обвиняя самого его в ереси. И покровительство ему оказывал не кто иной, как сам великий князь! Когда Геннадий попытался выслать дерзкого чернеца вон, в пустынь, сам Иван Васильевич вступился за Захара и отослал назад, в Немчинов. Этот Захар поставил Геннадия в положение обороняющегося: «Зовет мя еретиком, а яз не еретик», – робко оправдывался он. Видно, что Геннадий принужден был не столько «растерзать утробы» своих врагов, сколько защищать свою собственную особу. Дело дошло до того, что в результате опалы он какое-то время даже не мог выехать в Москву.

Не удивительно поэтому, что Державный отнесся к доносу Геннадия прохладно. Его инквизиторское усердие не встретило поощрения в Кремле. Разногласия в сем вопросе между Новгородом и Москвой были столь значительны, что владыке стало казаться, будто «Новгород с Москвою не едино православие». Из всех преступлений, инкриминируемых еретикам Геннадием, государь признал только обвинение в иконоборстве и, скрепя сердце, дал ему разрешение «обыскать» и в случае необходимости «показать» еретиков. Однако наказанию подверглись лишь несколько (третьестепенных по значению) участников движения, виновных в открытом иконоборстве. Наиболее же видные еретики, так или иначе связанные с великокняжеской властью, никак не пострадали и всемерно противодействовали уничтожению секты.

Но ревнители Христовой веры шли в решительное наступление, и тучи над новгородцами сгущались. В 1489 году новым митрополитом Руси стал Симоновский архимандрит Зосима, которого ортодоксы тут же окрестили «вторым Иудой» за то, что тот не был склонен к жестокой расправе над еретиками. На церковном соборе 149⁰ года (под водительством того же Зосимы) ересь подверглась осуждению, а ее сторонники были названы «сущими прелестниками и отступниками». Еретики упорно отрицали свою вину, но собор лишил их духовного сана, предал проклятию и осудил на заточение. Многих из них отправили к Геннадию в Новгород, и архиепископ распорядился за чинимые святотатства «бить их кнутом», а также встретить их за сорок верст от города, надеть на них вывороченную одежду, шлемы из бересты с мочальными кистями и соломенные венцы с надписью «се есть сатаниново воинство». Их сажали на лошадей лицом к хвосту, а народу было велено плевать на них и улюлюкать: «Вот хулители Христа, враги Божий!». Затем на головах «поганых» зажигали шлемы из бересты...

---

³ В 1483 году в Кастилии был создан инквизиционный трибунал, который возглавил исповедник королевской четы Томас Торквемада. За 18 лет, что он находился на сем посту, было убито и сожжено, по разным источникам, от полутора до восьми тысяч «неверных», в основном, мусульман и евреев. По некоторым данным, 10220 жертв было сожжено живьем, а еще 97321 человека подвергнуто опозоренью, конфискации имущества, пожизненному тюремному заключению и исключению из службы на общественных и почетных должностях. Общий итог этих варварских казней доводит число навсегда погибших семейств до 114401. 31 марта 149² года под нажимом Торквемады король и королева Испании Фердинанд и Изабелла издали декрет об изгнании всех евреев из Испании. При этом христианам запрещалось укрывать иудеев в своих домах после этого срока под угрозой тех же наказаний. Эта мера заставила покинуть Испанию до 800 тыс. евреев.

Для борьбы с «неверными» были наново прочитаны основные церковные книги, и все чуждое православной традиции из них нещадно изымалось. По инициативе неистощимого Геннадия была полностью переведена на русский язык Библия (с изобретением книгопечатания она потом будет напечатана в Остроге в 1580-1582 гг.), а также некоторые полемические сочинения. Свою роль в идейной борьбе с «еретиками» сыграли и составленные преподобным Нилом Сорским Жития Феодора Студита и Иоанна Дамаскина, где открыто осуждалось иконоборчество.

Тема отступничества стала особенно актуальной в 1492² году, когда, согласно христианскому исчислению, окончились семь тысяч лет от сотворения мира. Час пришел, а предсказываемый конец света почему-то не наступал, что дало повод к еретическим мыслям, сомнениям в вере, превратным толкованиям Библии. «Если бы Христос был Мессией, – говорили сектанты православным, – то почему же он не является в славе, по вашим ожиданиям?» Понятно, что это было весомым аргументом в пользу учения еретиков.

Изображение семьи Ивана III на шитой пелене того времени

Наиболее ярким, сильным и неустрашимым противником ереси стал игумен Волоцкого монастыря Иосиф (Санин), возгласивший: «Ныне шипит тамо змий пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его мать». Наиболее полно критика сектантов изложена в его сочинении «Промисветитель». Он вопиял: «С того времени, как солнце православия воссияло в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси. В домах, на дорогах, на рынке все, иноки и миряне с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении о вере пророков, апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, отступников Христа: с ними дружат, пьют и едят и учатся у них жидовству». Примечательно, что, составляя сию «книгу на еретиков», преподобный Иосиф был весьма тенденциозен. Он всячески стремился слить воедино «ересь Алексея» и «ересь Федора Курицына», изобразив их единой жидовской ересью, сиречь чистым иудаизмом. Понятно, что обвинение в жидовстве крылось в обычной манере средневековой полемики обвинять своих противников в наиболее зловердных с христианской точки зрения взглядах.

Между тем, его предшественник Геннадий уличал в этом лишь некоторых новгородцев. Что до московских еретиков, то их в «жидовстве» не обвинял никто. Да и трудно было отыскать черты иудаизма в похвалах «апостольских и евангельских», вышедших из под пера Федора Курицына и его товарищей. К тому же, многие факты, приводимые Волоцким, в пользу «жидовства» своих противников, оказывались голословными и доверия не вызывали. Откуда, к примеру, ведомо было, что они хулу на евангельские и апостольские писания изрыгали, если делали это, только встретив кого «из простых», причем с глазу на глаз? Озадачивало и то, почему у этих самых жидовствующих не было малейших признаков иудейской обрядности? Иосиф утверждал, что так повелели сами жидаы, дабы держать в тайне свое учение, но было совершенно непонятно, отчего русские вольнодумцы так слепо и безропотно им подчинились. Чтобы доказать свое в ход шли сомнительные, не поддававшиеся проверке факты: якобы Ивашка Черный и Игнат Зубов пустились в бега за море и перед тем обратились в жидовство.

Дальше – больше. Преподобный Иосиф убеждает духовника государя Нифонта открыть глаза Ивану Васильевичу, очистить церковь от неслыханного доселе соблазна и свергнуть митрополита Зосиму. И тот отлучается от метрополии, вроде бы «за страсть к вину и нерадение к церкви» (на самом же деле – за мягкотелость и потворство «кошунникам»). Казалось бы, победа, но поверженные добиваются назначения архимандритом Юрьева монастыря, что в Новгороде, монаха Кассиана, тоже тайного еретика. Последний вновь устраивает свои «злосбесные» сборища. И вновь сие «осиное гнездо» уничтожает бдительнейший архиепископ Новгородский Геннадий!

Но даже и после этого ересь не ослабела. Как отмечает «Еврейская энциклопедия», ее позиции даже усилились, когда сын тайной сектантки княгини Елены Волошанки царевич Дмитрий был объявлен наследником престола и в 1498 году в Успенском соборе Кремля торжественно венчан шапкой Мономаха. Тогда в опалу попала Софья Палеолог, ибо открылось, что по ее наущению Дмитрия пытались отравить. По счастью, меры безопасности в Кремле были тогда усилены, и знахарки, доставлявшие яды Софье, были схвачены и утоплены в Москве-реке.

Но что не смог сделать яд – сделала ловкая византийская интриганка. Уже с августа 1501 года великим князем всея Руси и соправителем отца именуется ее сын Василий Иванович. Какое-то время Дмитрий и Елена продолжали жить в Кремле, но вскоре государь их «посадил в камень и железа на них положил». На настойчивые расспросы о причинах смены наследника Державный отвечал уклончиво: «Который сын отцу служит и норовит, отец того боле и жалует, а который не служит и не норовит, того за что жаловать?». Впрочем, историки связывают сию опалу не только с каверзами Палеолог. Виной тому и международная обстановка: Иван, воевавший с Польско-Литовским государством, был заинтересован в поддержке духовенства Западной Руси – с этой точки зрения его связь с еретиками была неблагоприятным фактом; кроме того, отец Елены Стефан III перестал быть военным союзником Москвы. Мало того, он в 1501

году задержал у себя русских послов во главе с Дмитрием Ралевым, что было расценено как акт откровенно враждебный. Важно и то, что Василия Ивановича очень поддерживал Иосиф, требовавший самых крутых мер против еретиков.

Державный несколько раз приглашал преподобного к себе для беседы. Известно, что Волоцкий говорил с ним о «конечной муке» для всякого «начальника», знавшего о еретиках и не «предавшего» их. И монарх сознался, что «ведал ересь» и просил простить ему его преступления. Можно понять, как много значила эта уступка для великого князя, который еще недавно «во всем послушаша» Курицына. Однако ценой уступок, ценой почти унижительного разговора с главным «обличителем», суровый прагматик Иван хотел спасти то, что, по-видимому, больше всего привлекало его в ереси: идею полной или хотя бы частичной конфискации монастырских вотчин. «Государь, – парировал Иосиф, – подвинься только на нынешних еретиков, а за прежних тебе Бог простит». Когда же Иосиф стал высказываться в пользу жестокого наказания, Иван резко прервал беседу. Он стоял на том, что надобно искоренять разврат, но без казни, противной духу христианства. Так что, «многие действительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный дьяк Федор Курицын еще долго пользовался доверием государя и был употребляем в делах посольских».

И когда в августе-сентябре 1503 года в Москве был созван собор, Иван намеренно не включил вопрос о ереси в его повестку, но сосредоточился на вопросах упразднения церковного землевладения и церковных поборов (за что как раз ратовали еретики). И хотя соборяне вопреки его воле высказались в защиту монастырских вотчин, Иван добился отмены оплаты за поставление священнослужителей.

Примечательно, что первой жертвой сего постановления стал обличитель ереси Геннадий, который, вернувшись из Москвы в Новгород «начал мзду брать с священников за ставление и еще больше прежнего» вопреки обещанию, данного на соборе, и в результате «оставил свой престол неволею». Едва ли причиной удаления сего пастыря стали происки «покровителей жидовства», его оклеветавших, как полагал биограф Петр Градницкий. Геннадий был пойман с поличным. Потому-то великий князь и митрополит свели его с престола и заключили под арест: «владыку Геннадия взяли, и казны попечатали и поехали к Москве». Он был помещен в Чудов монастырь, где и кончил свои труды и дни. Впрочем, некоторые историки видят в этой опале и низложении руку Ивана III, не простившего Геннадию его слишком усердную борьбу с еретиками.

А преподобный Иосиф сокрушался бездействием Ивана Васильевича: «Уже тому другой год велика дни настал, а он государь не посылавал, а еретиков умножилось по всем городом, и христианство православное гинет от их ересей». Он гремел красноречием, грозно обличая жидовствующих, и требовал для них самой лютой казни, для чего объявил сектантов отступниками, ибо, согласно традиции, казни подвергались не еретики, а именно отступники от истинной веры. И неважно, что многие из них покаялись: раскаяние, вынужденное пылающим костром, настаивал преподобный, не есть истинное и не должно спасти их от смерти, потому они «огнем сожжены бысть»⁴. Забавно, что в качестве примера Волоцкий приводил примеры казней преимущественно из Ветхого Завета, в приверженности к которому он как раз обвинял еретиков. На это потом прямо укажет преемник вождя нестяжателей Нила Сорского старец Вассиан. Он выступит против суровой расправы с покаявшимися еретиками, а Иосифа едва ли не самого заклеят жидовствующим: «Аще же ты повелеваеши брата брату согрешивша убити, то вскоре и субботство будеть и вся ветхого закона».

Наконец, зимой 1504 года «Иван Васильевич и сын его Василий Иванович с отцом своим Симоном митрополитом всея Руси и со епископы со всем собором обыскаша еретиков и пове-

---

⁴ Первое известие о сожжении в клетке на Руси относится к январю 1493 года, что явилось влиянием испанской инквизиции.

леша лихих смертною казнию казнити. И сожгоша их в клетке 27 декабря 1504 года». А вот другое летописное свидетельство: «Того же лета князь великий Иван людей жег ересников развратников веры христианския многих».

Некоторые российские историки, по существу, оправдывают эту варварскую казнь. По их разумению, «лжеучение» еретиков, суть не что иное, как «идеологическая диверсия», «опаснейшая угроза самому бытию Руси», и для устранения этой самой опасности все средства хороши. В этой связи вызывает интерес позиция Николая Карамзина, который хотя и признает, что «сия жестокость скорее может быть оправдана политикою, нежели Верою христианскою», тем не менее, оставляет последнее слово за Иваном III: «Если явный дерзостный соблазн угрожает церкви и государству, коего благо тесно связано с ее невредимостью: тогда не митрополит, не духовенство, но государь может справедливым образом казнить еретиков. Сия пристойность была соблюдена: их осудили, как сказано в летописях, по градскому закону». Историограф добавляет: «*Великий князь решился быть строгим, опасаясь казаться излишне снисходительным в деле душевного спасения*».

На самом деле, это решение претило великому князю, так долго и отчаянно сему противившемуся. С его стороны оно было вынужденной уступкой – ревнителям веры и примкнувшим к ним сыну Василию. Как точно сказал историк, «наконец, Иван III сдался». При этом государь тяжело переживал эту свою духовную капитуляцию. Иные исследователи говорят даже о резком переломе, произошедшем тогда в сознании Державного.

Характерно, что на смертном одре Иван Васильевич решил покаяться перед «жидовствующим» Дмитрием. За день до своей кончины, когда церковь праздновала память великомученика Дмитрия Солунского – небесного покровителя великокняжеского внука, он «приказал привести к себе Дмитрия и сказал: «Дорогой внук, я согрешил против Бога и тебя тем, что заточил тебя в темницу и лишил наследства. Поэтому я молю тебя о прощении. Иди и владей тем, что принадлежит тебе по праву». Государь получил от внука желанное прощение, что вызвало у присутствующих слезы умиления. Однако когда Дмитрий вышел, его, по приказу уже нового великого князя Василия, тут же схватили и бросили в тюрьму.

По мнению писательницы Алины Ребель, ересь жидовствующих стала одним из разрушительных факторов в отношениях между славянами и евреями, которые поплатились за безрассудство исторически недалёковидных сектантов. Есть, однако, и полярно противоположные оценки: ересь будто бы имела важное просветительское значение для русской цивилизации и культуры. Исследователи Лев и Наталья Пушкаревы отмечают высокую интеллектуальность сектантов, способствующих русскому духовному возрождению. А корифей исторической мысли Сергей Платонов подчеркивал, что созданное еретиками настроение критики и скепсиса в отношении догмы и церковного строя не умерло в России. Академик Дмитрий Лихачев резюмировал: «Движение жидовствующих имело серьезное прогрессивное значение, будя мысль, вводя в крут образованности новые книги, создав в конце XV – начале XVI века большое умственное возбуждение». В этом контексте расправа над еретиками толкуется уже как акт воинствующего мракобесия.

Существенно то, что именно с тех самых пор, как запылали костры, в которых сжигали жидовствующих, евреев на Руси начали воспринимать как «антихристов», квинтэссенцией зла и извращенности. Русский посол в Риме Дмитрий Герасимов (в прошлом сподвижник Геннадия Новгородского) заявил в 1526 году: «Евреи для нас отвратительнее всех, даже простое упоминание их имени внушает нам отвращение; мы не позволяем им приезжать в нашу страну, поскольку это мерзкие и злобные люди». Своего апогея антисемитская истерия достигнет в Московии при внуке Ивана III, деспотичном Иване Грозном, о коем писали: «Как ни был он жесток и неистов, однако же не преследовал и ненавидел никого, кроме жидов, которые не хотели креститься и исповедовать Христа: их он либо сжигал живьем, либо вешал и бросал в воду». Но Иван Васильевич уходил из жизни, не ведая о сих мрачных последствиях: он не

запирал от иудеев рубежей, продолжал вести переписку с надежным «жидовином» Кокосом и получил, наконец, благословение от несправедливо обиженного им внука.

Тишайший прозелит Алексей Михайлович

Во времена Тишайшего царя всея Руси Алексея Михайловича (1629-1676) был чрезвычайно популярен сюжет из библейской «Книги Есфирь» о чудесном спасении евреев от гибели, замышленной высшим сановником персидского царя Артаксеркса, злокозненным Аманом. Хвалебные вирши во славу защитницы своего народа Есфири слагали многие российские поэты. Известный вития русского XVII века Симеон Полоцкий возглашал:

Есфирь подобие есть спасительница,
Яко бе рода си заступница,
Меч отвративши, уже изощрённый,
На истраилтян главы извлечённый.

Однако некоторые юдофобствующие церковники толковали историю Есфири на свой лад. Архимандрит Черниговского Елецкого монастыря Иоанникий Галятовский (ок. 1617-1688) очень даже сочувствовал антисемиту Аману и назвал его «несчастливым», убиенным коварными жидами. Этот выпускник Киевской коллегии испытал на себе заметное польское влияние и не только проникся фанатическими воззрениями католиков, но и перенял у них приёмы изощрённой юдофобии. В своём трактате «Мессия правдивый» (Киев, 1669), посвященном царю Алексею Михайловичу, этот, как он себя называет, «недостойный иеромонах», пожалуй, впервые в православной литературе излагает «свидетельства» осквернения евреями просфоры, убийства христианских младенцев в ритуальных целях, заражения колодцев и тому подобные претензии, характерные для польских источников. И подобно «несчастному» Аману, Иоанникий требует истребить всех евреев: «Мы, христиане, должны ниспровергать и сжигать Жидовские божницы, в которых вы хулите Бога; мы должны вас, как врагов Христа и христиан, изгонять из наших городов, из всех государств, убивать вас мечем, топить в реках и губить различными родами смерти». Вызывает удивление, что авторитетный историк Николай Костомаров, отметив, что Иоанникий вознамерился побудить царя «принять надлежащие меры против иудейских козней», умолчал о призыве архимандрита к геноциду.

При этом Галятовский объявлял царя своим ревностным единомышленником: «Яко Христос ненавидит жидов неверных, в некрестии затверделых, врагов и злобонцов своих... так и Ваше Пресветлое Царское Величество, наследующи Христа Царя Славы, ненавидишь жидов неверных... не позволяешь [им] меж верными христианами в земле Твоей и царстве Твоём житии». И в этом утверждении «недостойный иеромонах» не одинок. Историк Александр Пятковский, а следом за ним и современный публицист-почвенник Анатолий Глазунов сводят политику царя к тотальному изгнанию иудеев из городов и всей Московии, да и всех завоеванных земель. Самого же Тишайшего они объявляют таким же отчаянным врагом иудеев, как и свирепый Иван Грозный, который, как известно, объявил: «Жидам ездити в Россию непригоже, для того, что от них многие лиха делаются», а при взятии Полоцка приказал всех евреев, не пожелавших креститься, утопить в Двине.

Действительно, царствование Алексея Михайловича иногда ассоциируется с Хмельниччиной, названной евреями «гзерт тах» («Господни кары 54°8 (1648)») – эпохой бед и зверской жестокости. Тогда в погромах, учиненных в Украине и Молдавии казаками гетмана Богдана Хмельницкого, погибло более 100 тысяч человек, около четверти местного еврейского населения. «Не приказывал я убивать невинных, а только тех, которые не хотят пристать к нам или креститься в нашу веру», – говаривал гетман-изувер после очередного погрома и совершал новые – в Немирове, Тульчине, Яссах. Но православный царь Алексей за ту кровавую вакханалию никак не в ответе, ибо казаки Хмельницкого не находились под российским владыче-

ством, не попадали под действие русских законов. И, что ещё более важно, геноцид никак не сопрягался с национально-религиозными принципами русского государства, с благочестием самого Тишайшего государя.

Царь Алексей Михайлович

Такое прозвание он получил, поскольку обладал замечательно мягким, добродушным характером, был, по словам беглого дьяка Григория Котошихина, «гораздо тихим». Современники отмечали набожность и глубокую религиозность Алексея Михайловича. Очень точную и ёмкую характеристику дал ему историк Сергей Платонов: «Религиозным чувством он был проникнут весь. Он много молился, строго держал посты и прекрасно знал все церковные уставы. Его главным духовным интересом было спасение души... Средство к спасению души царь видел в строгом последовании обрядности и поэтому очень строго соблюдал все обряды... Религия для него была не только обрядом, но и высокой нравственной дисциплиной... Он ревниво оберегал чистоту религии и, без сомнения, был одним из православнейших москвичей... Ко всему окружающему он относился с высоты религиозной морали, и эта мораль, исходя из светлой, мягкой и доброй души царя, была не сухим кодексом отвлечённых нравственных правил, суровых и безжизненных, а звучала мягким, прочувствованным, любя-

щим словом, сказывалась полным житейского смысла тёплым отношением к людям». Монаршая порфира воспринималась Алексеем как власть, установленная Богом, назначенная для того, чтобы «рассуждать людей вправду» и «беспомощным помогать». И слова, сказанные им князю Григорию Ромодановскому: «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать людей своя на востоке и на западе, и на юге, и на севере вправду», – стали смыслом и целью его державных полномочий, постоянной твёрдой формулой государевой власти.

Приём в Кремле 27 мая 1661 г. Первый в группе стоящих бояр с шапкой в руке – Алмаз Иванов

Конечно, царь Алексей был воспитан в духе святоотческой традиции с её воинствующим анти-иудейским пафосом. Конечно, филиппики «богоубийцам-жидам, которых всем христианским людям ненавидеть должно», были дежурными на официальных дипломатических приёмах в Кремле, а некоторые иноземцы утверждали, что в Московии к дикарям-самоедам, поклонявшимся идолам и солнцу, относятся куда терпимее, чем к монотеистам-иудеям.

И всё же образ порфироносного антисемита под воздействием фактов рассыпается, ибо в нём наличествует весьма существенный для гонителя евреев «дефект» (именно это слово употребил применительно к царю Анатолий Глазунов): дело в том, что в узаконениях того времени запретов иудеям на пребывание и жительство в России не находится. И де факто евреи приезжали и жили в стране без всякой утайки. Да и невозможно было им скрыть свой характерный племенной тип, отказаться от национальной одежды, потому даже при тогдашнем неустройстве полицейского надзора сыны Израиля были легко узнаваемы. А это означает, что они пользовались *правом* жить в России. И конкретная миграционная политика царя это право как раз подтверждала. Более того, к последней трети XVII века пребывание иудеев в Московии стало тогда столь обычным явлением, что «Новоуказные статьи» 1669 года, устанавливая казни за соращение христиан в другую религию, упоминали особо о евреях: «аще жидовин или агарянин дерзнет развратить от христианской веры христианина, повинен есть казни главней; а аще жидовин христианина раба имый и обрежет его, да отсекут ему голову». Из сих строк можно сделать заключение, что еврейское население было представлено свободными обывателями, которые могли даже пользоваться трудом христиан.

Впрочем, и ранее, при царе Михаиле Федоровиче, правительство против жительства евреев решительно ничего не имело. Так, в результате Поляновского мира 1634 года иудеи, как и прочие пленные, были разсланы по отдалённым местностям страны; разделяя общую судьбу, они были сосланы в города «в службу» и в деревни «на пашню». При этом было спе-

циально оговорено, что не крестившимся должно быть дано столько же хлеба, сколько обращенным.

Можно определённо сказать, что и в году царя Алексея иудеи, как правило, разделили участь прочих пленных, литовцев и поляков. Обратимся к фактам. Государева грамота от 27 июля 1656 года Гродненскому воеводе повелевала: «А которые Жиды придут в Гродно и учнут нам, великому государю, бить челом, чтоб их под нашею Царского Величества высокою рукою, и ты бы тех Жидов принимал и к вере *по их закону* приводил, и велел им жить в Гродне по-прежнему». А когда после трёхмесячной осады в 1655 году пал Витебск, царь распорядился поступить со всеми «полоняниками» (включая и евреев) по справедливости. Значительное еврейское население осталось и в Смоленске и после сдачи его русским в 1655 году. Да и в Договоре о перемирии между государствами Российским и Польским, учиненном в деревне Андрусово (1667), утверждалось безусловное освобождение еврейских пленных и разрешение им остаться в России.

Между тем, иные историки говорят о лютой нетерпимости Тишайшего к евреям, и именно ею объясняют изгнание иудеев из завоёванных русскими Могилёва (1654)¹⁴ Полоцка (1658). На самом же деле, государь здесь был вынужден подчиниться многочисленным ходатайствам местных жителей, которые, в свою очередь, ссылались на старинные привилегии и статуты, так называемое Магдебургское право, основанное на недопущении евреев в эти города. Правда, из-за алчности и непомерной жестокости казачьего полковника Константина Приклонского (между прочим, только присягнувшего царю) в Могилёве не обошлось без кровопролития. Евреи, вынужденные спешно покинуть город, были обманом согнаны частью на Печёрское поле, частью – на равнину у городской дороги, и перебиты все без остатка. Очевидец, игумен Орест, сообщал в своих «Записках», что смертоубийства учинили покорыстовавшиеся еврейским добром мародёры-казаки. Но избиение евреев вызвало гнев в Москве, так что мещане города вынуждены были оправдываться и «сложили эту *вину* на казаков Поклонского», о чём пишет историк Сергей Соловьёв.

И примечательно, что власти всегда проявляли внимание к евреям-изгнанникам, направляя их в российские города в сопровождении стрельцов и за казенный счёт. Как отмечает историк Юлий Гессен, когда благодаря военным действиям в московском государстве появились пленные евреи, к ним относились никак не хуже, чем к прочим пленным. Иудеи, попавшие в Московию во время русско-польских войн 1654-1667 гг., переводились из одного города в другой для приискания им надлежащего жилья. Документы Разрядного приказа указывают на обширную географию миграции иудеев. В одном из указов говорится об отправке нескольких сотен человек из Калуги в Нижний Новгород, причём «провожаемых дать Калужских стрельцов 20, а государева жалования [им] в дорогу на корм велено дать на месяц, семьянистым по шти денег, одиноким по четыре деньги человеку на день». Есть сведения, что другие партии евреев из Новгорода были перевезены в Ярославль, а затем отправлены в Казань. Большинство же иудеев было расселено в Поволжье, на Урале и в Сибири и постепенно растворилось в окружающем населении.

Царь всемерно поощрял переход пленных евреев на русскую службу, особенно если те были изрядными мастерами. Известно, что после Андрусовского перемирия 1667 года Пушкинский приказ хлопотал о неотпущении на родину могилёвского еврея Исачки, поскольку тот «научен огнестрельным и гранатным делам, стрелять гранаты умеет; да ему ж дана для ученья огнестрельных и гранатных дел и для всяких тайных промыслов немецкого языка печатная книга». Вполне вероятно, что евреями были живший с 1654 года в Москве «в пушкарях» изготовитель пороха Ивашка Григорьев родом из Дубровны; Гришка Мотовицкий из Полоцка, определившийся «в Оружейную палату в кормовые мастера»; а также отданный «на кормление частному лицу» пленный из Литвы некто Мосейка. Документ 1659 года упоминает ещё ряд московских обывателей-евреев: некий Марка с женой, торговец ветошью; Оспа с женой

и сыном, занимавшийся «черной работой»; Якубка Израилев, который «пёк на торг хлебы»; Моска Марк, торговец мясом и т. д.

Вообще же, как свидетельствуют документы, в Москве могли селиться преимущественно крещенные евреи. Некоторые оказались в московской Немецкой слободе, где жили лютеране и католики, и среди них Марко Яковлев с женою Дворкою из Горок (Белоруссия), девушки Ганка и Рыся, дочери Меоровы и Эстерка Юдина (все из Мстиславля), Махля из Горок, Марчко-Захар Яшев из Дубровны. Немало евреев обосновалось и в московской Мещанской слободе, образованной выходцами из западного края, что отражено в списках лиц, живших там своими домами и снимавших в наем клетки (относительно некоторых есть отметки «еврей», «еврейской породы», «родины еврейские»). Кое-кто из них весьма преуспел и, освободившись от тягла и личной повинности, выбился в купеческий класс. При этом некоторые евреи скоро достигли видного положения среди московского купечества. Так, Федор Григорьев и Афанасий Самойлов в апреле 1659 года были «выборными»: их подписи имеются в «протоколах» мирских сходов того года. Историк-краевед Владимир Снегирев указывает на значительную еврейскую популяцию и называет среди жителей Мещанской слободы будущего видного деятеля петровской эпохи, вице-президента Главного магистрата Илью Исаева, а также Федора Иевлева, Давида Тимофеева, Владимира Израилевича Елисеева, Ивана Константинова, Якова Самойлова, Семёна и Ивана Яковлевых, их зятя Павла Степанова и других. Мещанскую слободу называли ещё «слободой перекрестов», ибо там могли жить лишь лица, обращенные в православие. Их имена и фамилии становились не отличимыми от русских.

Здесь необходим краткий экскурс об общей религиозной политике царя, напрямую связанной с судьбами российского еврейства. Истинный ревнитель православия, Тишайший был сторонником деятельного прозелитизма среди иноверцев. Причём к крещению их нередко побуждали самыми жёсткими мерами. «Немцам» было законодательно возбранено носить русскую одежду и селиться в тех местах, где проживали москвиты. Иногда прибегали к вероломству, пуская в ход облыжные обвинения. Так, на шотландца-полковника Александра Лесли донесли, будто они с женой «заставляли русских слуг есть в пост собачье мясо» и над святыми иконами ругались, после чего их взяли под стражу. Тогда-то боярин Илья Милославский ненавязчиво предложил «проштрафившемуся» католику обратиться в православие, что тот, понятно, и свершил, и сразу же был помилован, произведён в генералы и пожалован угодьями и подарками на сумму три тысячи рублей. На миссионерской ниве немало усердствовал духовник царя Стефан Вонифатьев, который в 1652 году просил Его Величество не стеснять его в действиях, и тогда все служилые иноземцы обратятся в праведную веру. Как отмечал американский историк Джозеф Фурман, «государь надеялся показать русским ортодоксам, что убеждение и щедрая награда вызовут огромный приток обращенных, ибо иноземцы скоро поймут все преимущества и выгоды крещения в православную веру». Неофит, помимо прочих наград, получал ещё и дворянство «по московскому списку». Всё же крещение не приобрело тогда массового характера среди «немцев».

Зато обращение татар и мордвы проводилось столь энергичными темпами, что вызвало даже вооружённые протесты басурман. Архиепископ Рязанский Мисаил, успевший окрестить в Шацком и Тамбовском уездах более четырёх тысяч иноверцев, был затем атакован толпой из пяти сотен бунтовщиков, которые «учинились сильны и непослушны и во крещение не пошли», и некто мордвин Гаречишка «устрелил» святого отца насмерть. Но настойчивый прозелитизм ничуть не утихнул. За неофитами были законодательно закреплены всяческие привилегии: им надлежало незамедлительно выдать 15 рублей; предоставлялось право пожизненного и наследственного владения своими поместьями; после смерти феодала-мусульманина его поместье переходило к любому, даже дальнему, крещеному родственнику, невзирая на претензии более близких наследников-мусульман. Иногда татары крестились из-за боязни царского гнева. Рассказывают, что представитель средней ветви известного княжеского рода Юсуповых,

Абдул-Мирза Секшевич, принимая в своём доме патриарха Никона, по незнанию православных норм, угостил его гусем, приготовленным «под рыбу». Проведав о том, что его обманом накормили скромным, Его Святейшество пожаловался государю, и тот так разъярился, что наложил на Абдул-Мирзу опалу. Чтобы сохранить за собой свои имения, испуганный князь решил принять православие и умилостивить тем царя и патриарха, и судя по всему, в этом преуспел.

Был, однако, богослов, который возвысил голос против политики обращения иноземцев в православие, осуществляемой государем. То был униат и панславист, серб Юрий Крижанич (ок. 1617-1683), сосланный в 1661 году за свои «крамольные» писания в неблизкий Тобольск. В главном своём труде, трактате «Политика», он изображает инородцев ненавистными поработителями славян: «Затопило нас множество инородников; они нас дурачат, за нос водят, больше того – сидят на хребтах наших и ездят на нас, как на скотине, свиньями и псами нас обзывают». И провозглашает, что первейшее благо для России есть «запертие рубежей» (говоря современным языком, «железный занавес») и «гостегонство» (непринятие и изгнание всех иноземцев). Такую изоляционистскую политику он объявляет «палладиумом» (щитом) для государства, обуславливающим самую возможность его политического существования. Указав на примеры такого «гостегонства» в Польше, Германии, Испании, Франции и даже Китае, он желает, чтобы и Московия последовала сему «благодетельному» историческому опыту. Крещение иноверных он решительно порицает, более того, предостерегает: «Если Русское царство когда-нибудь погибнет, то оно примет гибель от перекрестов и их потомков». При этом метит, прежде всего, в протестантов-немцев, но питает недобрые чувства даже к единоверцам – православным грекам, которых корит за плутовство в торговле. Убеждённый шовинист, он пышет злобой ко всем, кто только не русский и не славянин. А уж представителей таких «скитальческих народов», как цыгане и жида, по Крижаничу, и на пушечный выстрел к Святой Руси подпускать не следует.

Между тем, обращение иудеев в православие не только поощрялось, но было возведено в ранг государственной политики. Сохранились четыре челобитные «старозаконных» жителей города Бреславля (Силезия) на имя царя и три записи их о крещении в «православную христианскую веру». Польские жида Азик, Хоньш, Монка, Маер и Ицко со своими женами и детьми, а также вдова Биска в разгар русско-польской войны подают прошение о принятии православия. Известно также, что там же, в Бреславле, они представили свои «заручные челобитные» российскому посланнику в Силезии Л.И. Писареву, который, получив от царя указ с «пожалованием» евреев, передал его для исполнения священникам Архангельского собора и Успенской, Никольской и Воскресенской церквей Москвы. Крещение евреев становилось семейным делом: «с женишками и с детишками».

Но, как отметил историк Дмитрий Фельдман, добровольность обращения по существу оказывалась вынужденной. В противном случае местом проживания еврея могла стать какая-нибудь сибирская глухомань, где успешная продуктивная деятельность на любом поприще была крайне затруднена. Среди выкрестов мы находим немало смекалистых и предприимчивых. Вот «Матюшка Григорьев – еврей», родом из Мстислава, попал с семьёй в русский плен в 1655 году. Был отправлен в Москву, где жил у некоего Кирилла Волосатого из гостинной сотни, на которого гнул спину полтора десятка лет. Но подфартило – смышлёного юношу заметил один важный боярин, и именной указ царя освободил его от ярма. Поселился Матюшка сначала в Новомикинской, а затем перебрался в Мещанскую слободу, где бойко торговал в овощном ряду. Благодаря оборотистости и изрядным способностям этот еврей был и сам взят в гостиную сотню. При Петре Великом он учредит первую в России мебельную фабрику, наладит широкую торговлю с Персией и Китаем. Сын же его Яков получит фамилию «Евреин», впоследствии «Евреинов» и станет при императрице Елизавете президентом Коммерц-колле-

гии. А их потомкам – уже «благородным» дворянам Евреиновым – суждено будет оставить заметный след в российской истории и культуре.

Можно назвать и других перекрестов, ставших родоначальниками славных российских дворянских фамилий – Шафировых, Веселовских, Копиевых, Аршеневских, Вистицких. Павел Шафир, пращур баронов Шафировых, дед знаменитого вице-канцлера при Петре I Петра Шафирова; Павел Веселовский, выходец из местечка Веселово, оказавший русским крупную услугу при осаде Смоленска; Степан Копиев, дед знаменитого комедиографа XVIII века; Николай Аршеневский, вступивший после крещения на русскую военную службу и ставший подполковником; братья Петр и Самуил Вистицкие, тоже пленённые под Смоленском (они фигурировали в бумагах того времени как «дети боярские», и сохранился документ с подписью «Шмула Вистицкий» на древнееврейском языке).

Среди евреев, достигших высоких степеней, выделяются потомки принявших крещение при прежних государях. Род с говорящей фамилией Жидовиновы, которые владели поместьями ещё при Иване Грозном. В одном историческом документе за 1551 год поименованы Фёдор Евстафьевич, Кузьма Фёдорович и Семён Фёдорович Жидовиновы как помещики в Твери. Жидовиновы Иван Тихонович, Иван и Роман Васильевичи в 1658 году названы московскими дворянами. А Богдан и Дементий Андреевичи Жидовиновы в 1652 году владели вотчинами – деревнями Боблово и Залужье в Воскресенской трети и деревней Андриюшино в Корнской волости Вологодского уезда. Но особенно поднялся Василий Степанович Жидовинов. В 1627 году он значился дворянином и смоленским помещиком, затем был русским послом в Кахетии, позднее продолжал служить по дипломатической части и был царским приставом. Иноземец Андрей Роде рассказывает, как сей пристав, уже «человек преклонных лет», привечал в Московии датское посольство Ганса Ольделанда. Сын же этого Жидовинова, Иван Васильевич, занимал ещё более высокую должность – был главой московских стрельцов (по современным понятиям, это никак не ниже начальника московского военного округа).

Говорящей оказывается и фамилия Юдины, генеалогию которой израильский историк Савелий Дудаков возводит к крещёному еврею Афанасию Юдину, что вёл крупные торговые дела в царствование Ивана Грозного. Во времена же царя Алексея мы находим несколько дьяков Юдиных: дьяк Сибирского приказа Никита Юдин; дьяк Серебряной палаты Андрей Семенович Юдин; дьяк Алексей Никитич Юдин и другие. А другой Алексей Юдин, раскольник, выборный Выробиная полка, станет потом правой рукой мятежного князя Ивана Хованского, начальника Стрелецкого приказа, и примет, как и князь Хованский, мученическую смерть.

Но наиболее впечатляющей в XVII веке была карьера человека по имени Алмаз с парадоксальной для еврея фамилией Иванов (1669)⁵. Он происходил из семьи вологодского торговца, посадского человека, и, по-видимому, был крещён при рождении и наречён Ерофеем, но его называли Алмазом даже в официальных документах.

Сызмальства он проявил интерес к торговле и, как отмечают очевидцы, занимался ею весьма успешно. В составе купеческих караванов и торговых судов Алмаз немало поколесил по свету и выучил в чужих краях турецкий и персидский языки. В 1639 году он целиком сосредоточивается на государственной службе, получив назначение на должность дьяка Казенного приказа; участвовал в отборе подарков, вручавшихся знатным иноземцам, контролировал ведение специальных книг посольских расходов. В 1646 году Иванова по настоянию царя переводят в Посольский приказ. Как сказал о нём посол Священной Римской империи барон Август Мейерберг, «при исполнении многих посольств [Алмаз] столько показал примеров хитрости, коварства, находчивости, что удостоен был должности смотрителя за тайным архивом царства, за иностранными послами и докладчика их посольств». А, по словам проницательного голштинца Адама Олеария, Иванов – «человек тонкий, способный, одаренный ясным умом

---

⁵ Следует, однако, отметить, что еврейство Алмаза Иванова оспаривается публицистом Виктором Остерцовым.

и твердой памятью». Неудивительно, что в 1653 году его возводят в чин думного дьяка, то есть назначают главой Посольского приказа. Это был, между прочим, первый случай в российской истории, когда этнический еврей стал главой всего дипломатического ведомства державы (напомним, что впоследствии, уже в советской России, наркомками иностранных дел также будут евреи Лев Троцкий и Максим Литвинов).

Алмаз прослыл тонким знатоком русского дипломатического искусства и придворного этикета. На многих аудиенциях монарха, данных иноземным послам, Иванов неизменно представлял, выполняя по существу обязанности церемониймейстера. Трудно переоценить роль Иванова в решении украинского вопроса. В Золотой палате Кремля он торжественно принимал депутацию Богдана Хмельницкого. В документе той поры читаем: «И указал государь думному посольскому дьяку Алмазу Иванову посланникам объявить свое государево жалованье, что гетмана Богдана Хмельницкого и войско Запорожское пожаловал, велел их принять под свою государеву высокую руку». Что должен был испытывать еврей Алмаз, когда привечал погромщика Хмельницкого, на чьих руках была кровь десятков тысяч его соплеменников? Об этом история умалчивает...

В 1653 году востребованными оказались и коммерческие способности бывшего купца Иванова. Под его руководством был разработан и введен новый Торговый устав. Историки отмечают ревностную приверженность Алмаза царю и православию. Богомольность Иванова подтверждают и его многочисленные вклады в монастыри (в основном это были книжные пожертвования). И, что еще более важно, этому еврею было не только позволено, но и вменено в обязанность (нет, не вступать!) – врываться в самые заповедные области русской церковной жизни. Дьяк был уполномочен царем вести такое тонкое и деликатное дело, как переговоры с поляками об отмене Зборовской унии между католиками и православными, что потребовало от него недюжинных богословских познаний. И разве не удивительно, что царь, желая подчинить церковников своей судебно-гражданской власти, именно Алмаза назначил главой Монастырского приказа?! Ему было поручено чинить «суд во всяких истцовых исках на митрополитов, архиепископов, епископов, их приказных и дворовых людей, на монастыри и т. д.». Так перекрест вершил судьбы всего православного клира России.

И среди пастырей Русской церкви того времени можно было заприметить этнических евреев. Одним из них был просветитель, переводчик греческих и латинских церковных книг, составитель славянолатинского лексикона иеромонах Арсений Грек (ок. 1610 – ок. 1666). Уроженец города Трикала, он был крещен при рождении. Вознамерившись обучаться философии, врачебному делу и богословию в Падуанском университете в Риме, Грек был вынужден принять католичество, но затем, вернувшись на родину, громогласно проклял римскую веру. В 23 года он принял монашеский постриг, но жажда знаний привела его в Киевскую Академию, пользовавшуюся тогда славой цитадели славянского образования. Там молодого студиязуса завидел патриарх иерусалимский Паисий и в январе 1649 года взял его с собой в Москву. Арсений был удостоен должности «патриаршего уставщика» и одарен «царским жалованием», как вдруг открылось нечто ужасное: оказалось, что он обрезан, стало быть, принял басурманскую веру. За такое отступничество полагалась казнь смертная. Но Арсений заявил, что якобы «обусурманен неволею», потому был пощажен и сослан на три года на Соловки, старался смиренным поведением расположить к себе монашескую братию.

Из ссылки его вызволил новый патриарх Никон. Он остро ощущал нужду в образованных людях и поручил ему заняться «риторским учением», наставлять юношество и исправлять богослужебные книги. С именем Арсения Грека связывают учреждение в 1653 году первой в России школы с преподаванием греческого и латинского языков. Человек просвещенный, «многим языкам искусный», Арсений в то же время слыл человеком нетвердой морали, менял друзей, да и религиозные убеждения, исходя из удобства момента. Так, привеченный Никоном, он не преминул отвернуться от него, когда тот потерял власть и силу. Впрочем, конформизм

Грека не уберег его от конфликтов с высшими иерархами церкви: по некоторым сведениям, с 1662 по 1666 годы он вновь находился в ссылке в Соловках. И среди старообрядцев и раскольников о нём сложилось мнение: «волхв, еретик, звездочетец, исполнен скверны и смрада езуитских ересей».

Английский историк Джон Клиер обратил внимание на то, что оба вождя церковного раскола в России имели контакты с евреями. И в самом деле, лидер старообрядцев протопоп Аввакум участвовал в дискуссии в доме боярина Фёдора Ртищева, на которой присутствовал некий «еврей Бацка», позднее обвинённый в пропаганде ереси жидовствующих. А низложенного патриарха Никона, находившегося в заключении в Воскресенском монастыре, с разрешения властей посещали «иноземцы, поляки, черкесы, белорусы и крещёные немцы с евреями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.